

ребенком. У всех Макгратов были иссиня-черные волосы и серые глаза.

— Серые, как ирландский дождь. Совсем как ты, — любил говорить отец*.

— Ох, мама... — Рейн убрала с лица растрепанные волосы. — Какой ужасный день.

Ей так хотелось верить, что они с Лэндоном любят друг друга так же, как когда-то любили друг друга ее родители. Но человек, способный так легко предать, любить не может.

Нет. С этим покончено. Рейн Клэр Макграт не станет жертвой. В последний раз утерев распухшие от слез глаза, она велела себе изгнать из сердца все чувства к Лэндону, чтобы не осталось даже искры.

И все-таки одинокая слеза скатилась на покрывало.

Лорен ласково погладила дочь по плечу и положила на поднос рядом с бокалом конверт.

— С днем рождения, дорогая. Я не могу решить все твои проблемы, но хотя бы немного помогу, пока ты снова не встанешь на ноги.

— Что это? — Рейн взяла конверт. Мысли путались, словно нитка, намертво застрявшая в швейной машинке.

— Открой. — Мама поставила на поднос свой бокал и ободряюще улыбнулась. — Это билет первого класса в Ирландию. В один конец. Ты улетаешь завтра днем, сразу после того, как заедешь в полицию.

ГЛАВА 2

Несмотря на все свои сомнения, в среду после обеда Рейн все-таки села в самолет, направлявшийся через Атлантику в Ирландию, в Дублин. Перелет предстоял долгий. В аэропорту ее должен был встретить и отвезти в деревушку Граттон

* Имя героини — Рейн — созвучно слову rain (англ.) — дождь. Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

водитель — еще около часа пути. С учетом восьмичасовой разницы во времени к адвокату она попадет не раньше четырех часов пополудни в четверг.

Они с Лорен несколько часов обсуждали поездку, и в конце концов беседы свелись к составлению списка вещей на неделю.

Все организовала мама. Ей помогли Пол и пожилая экономка замка Мейв, которую Рейн почти не помнила.

Опись имущества в салоне утром во вторник не заняла много времени, но одна мысль, что Лэндон не только опустошил их банковский счет, но и украл свадебные платья у невест, доверивших им самое дорогое, разрывала ей сердце.

— Боитесь летать?

Рейн растерянно повернулась к сидевшему рядом мужчине:

— Простите?

Он пластиковым стаканом указал на ее руку. Она намертво вцепилась в подлокотник.

Рейн вообще-то любила путешествовать, но сейчас все было иначе. Для начала ее обокрал любимый мужчина. К тому же она летела в Ирландию одна, без отца. И наконец, внезапная смерть дяди.

— Дело не в этом.

— Тогда в чем? У вас костяшки аж побелели, а самолет даже ни разу не тряхнуло.

И на том спасибо.

— После того, как сложился мой день рождения, я уже ничему не удивлюсь. Даже сильной болтанке.

— У вас день рождения? — Мужчина подозвал проходившую мимо стюардессу: — Я хотел бы угостить эту молодую леди.

— Ой! Не стоит.

— Для меня это удовольствие. — Он подмигнул. — Тем более что в первом классе напитки бесплатные.

— Точно. — Когда они летали первым классом с отцом, Рейн была еще слишком мала, чтобы интересоваться спиртными напитками.

— Шампанское? — спросила стюардесса.

Рейн не видела поводов для шампанского. Если что и праздновать, так благополучное приземление в Ирландии.

— Ром с диетической колой, пожалуйста.

Через минуту стюардесса вернулась со стаканом рома с колой и льдом.

— Пожалуйста. И с днем рождения.

— Спасибо. И вам спасибо, сэр. — Рейн наконец разжала пальцы, отпустив подлокотник, и взяла стакан. Может быть, алкоголь поможет ей уснуть.

— Сколько вам исполнилось, если не секрет? Кстати, меня зовут Майкл. — По его тону было ясно: он просто коротает время, а вовсе не пытается заигрывать. Хотя после того, как ее обманул Лэндон, могла ли она вообще доверять собственным оценкам?

— Рейн. Вчера мне исполнилось тридцать. — Она слегка кивнула соседу. — У меня были такие большие надежды.

— Ожидания всегда нас подводят, — философски заметил Майкл.

Ожидания. И бизнес-партнер, который оказался последним подлецом.

Рейн не собиралась изливать душу незнакомцу. Она лишь надеялась, что к возвращению в Лос-Анджелес через неделю ее жизнь хоть немного войдет в привычную колею.

Жизнь, превращенная в хаос.

Какая-то часть ее отчаянно надеялась, что Лэндона похитили, что сейчас его пытаются, требуя выкуп, поэтому он и снял все деньги со счета. Наверное, именно преступники заставили его испортить замок в дверях магазина.

Другая часть по-прежнему отказывалась принимать случившееся. Она даже не сказала Джен, что улетает. Сначала к адвокату, затем на похороны, а потом домой.

Накануне вечером они с мамой допили первую бутылку вина, открыли вторую, съели целую плитку превосходного шоколада, а затем еще и пакет картофельных чипсов, правда с пониженным содержанием жира.

К концу второй бутылки поездка в Ирландию уже казалась прекрасной возможностью сбежать от всего этого кошмара. Почему бы в последний раз не взглянуть на замок Макгратов, где прошло детство отца, прежде чем он перейдет к... кто там окажется наследником? Отец часто рассказывал ей, как рос в замке, и в детстве эти истории казались настоящей сказкой.

Но стоило кому-нибудь за ужином или на встрече с читателями заговорить о замке, как Конор неизменно отмахивался, будто ничего особенного в этом не было.

— На самом деле замок Макгратов — это укрепленная усадьба с башней. Никакой не дворец. — И все же, произнося эти слова, он всегда едва заметно улыбался.

В его голосе звучала гордость, и Рейн всегда было интересно, почему он вообще уехал из Ирландии в Америку.

Когда она впервые увидела эту «кучу камней» — так отец шутливо называл родной дом, — она была потрясена. Вернувшись домой, Рейн уверяла одноклассников, что в ее жилах течет едва ли не кровь королей.

Есть ли на свете что-нибудь хуже заносчивой двенадцатилетней девчонки?

— Вот и улыбка появилась, — заметил Майкл. — Я же говорил, что выпивка поможет.

Рейн не стала спорить. На самом деле ее успокоили воспоминания об отце.

— Никак не могу узнать ваш акцент... Откуда вы?

Глаза Майкла весело блеснули.

— В детстве меня перевезли из Северной Ирландии в Кардиган, а учился я уже в Лондоне. Так что акцент у меня получился свой собственный. А вы?

— Мне нравится. — Рейн приложила руку к груди. — А я родилась и выросла в Лос-Анджелесе. Американка до мозга костей.

— Голливуд. — Майкл улыбнулся. — Вы актриса?

— Нет. — Рейн опустила глаза. Кто она теперь, кроме как круглая дура? — Я дизайнер свадебных платьев.

— И что же заставило вас в собственный день рождения отправиться в такое путешествие?

Она подняла стакан, чувствуя, как к глазам снова подступают слезы. Станет ли она когда-нибудь снова счастливой?

— Умер мой дядя, Невин Макграт.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Майкла.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже. Жаль, что мы мало общались. Надо было приехать к нему раньше. Я и представить не могла, что он умрет таким молодым.

Майкл приподнял свой стакан.

— За вашего дядю. И за то, чтобы следующий год оказался для вас удачнее.

— Вот за это я выпью.

После этого они замолчали. Рейн выбрала фильм, надела наушники и погрузилась в бессмысленное развлечение, а Майкл вскоре уснул.

Горько было сознавать, что совершенно посторонний мужчина проявил к ней больше доброты, чем человек, которого она любила.

* * *

В Дублин Рейн прилетела в четверг после обеда. Небо было затянуто серыми облаками. У выхода из аэропорта она принялась искать среди встречающих водителя с табличкой, на которой было бы написано ее имя. Багаж — чемодан, набитый легкой яркой одеждой, идеально подходящей для Лос-Анджелеса, — она уже получила. Самой теплой вещью оказался жакет от брючного костюма, который она взяла для похорон.

Перед отъездом мама сунула ей в кошелечек пачку купюр, отмахнувшись от возражений:

— Это всего лишь несколько сотен долларов. На всякий случай.

Рейн быстро отправила Лорен сообщение, что благополучно приземлилась. Ни одного пропущенного звонка — а она

так надеялась увидеть сообщение от полиции о том, что Лэндона поймали.

— Рейн Макграт?

Она резко обернулась на пронзительно высокий голос с отчетливым ирландским акцентом. Перед ней стояла высокая и очень худая девушка. Шапка коротких обесцвеченных кудряшек и глаза, серые, как у Рейн, только темнее. Она тонула в свитере из грубой шерсти.

— Да.

— *Fáilte**. Кира Смит. Мне поручено отвезти вас в Граттон, в контору адвоката.

Добро пожаловать. Приветствие совершенно не вязалось с напряженной позой девушки.

— Ах... Я думала... — Рейн ожидала увидеть водителя в форме, но вместо этого перед ней стояла хмурая женщина в брюках цвета хаки и рабочих башмаках. — Разве мы сначала не заедем в замок? Я надеялась хоть немного привести себя в порядок.

Кира скрестила руки на груди и вопросительно подняла бровь, словно бросая вызов.

— Мистер Хьюз перенес встречу с утра на вторую половину дня, чтобы дожидаться вашего рейса. Мы вообще не были уверены, что вы приедете.

Решение лететь Рейн приняла через несколько часов после известия о смерти дяди. Они с мамой посчитали, что отец непременно был бы за. Для него это было бы важно. Да она и сама хотела проститься с Невинном.

— Из Штатов до Ирландии неблизко.

Лорен общалась с экономкой замка, но вряд ли она посвящала во все подробности наемных работников. Резкий тон Киры, как показалось Рейн, граничил с грубостью. Впрочем, возможно, девушка тоже тяжело переживала смерть Невина.

— Смерть дяди меня совершенно потрясла.

* Добро пожаловать (*ирл.*).

Кира коротко кивнула и жестом указала в сторону парковки, быстро переходя оживленную дорогу. Рейн ничего не оставалось, кроме как поспешить следом, волоча за собой кожаный чемодан.

Под недовольные сигналы автомобилей они благополучно добрались до белого двухдверного «фиата». Кира закинула чемодан в багажник, а Рейн села на место, где в Лос-Анджелесе находился бы водитель.

— Мы где-нибудь остановимся, чтобы я могла поправить макияж?

После перелета она, конечно же, похожа на растрепанного енота. Истинная дочь Голливуда, Рейн никогда не выходила из дома ненакрашенной. Вдруг в супермаркете встретишь режиссера или продюсера? Или, того хуже, фотографа в поисках сенсационного кадра? Ее уже не раз снимали только потому, что она дочь Лорен Макграт.

Кира взглянула на нее искоса, заводя двигатель:

— Зачем? Для оглашения завещания вы и так прекрасно выглядите. Кроме вас там будет только мистер Хьюз.

Она явно имела в виду, что производить впечатление не на кого.

Но дело было совсем не в этом. Просто Рейн привыкла жить иначе. Она достала из своей большой сумки зеркальце, пудру и розовый блеск, который можно было использовать и как румяна.

Несмотря на то что Кира, казалось, специально собирала все ямы и входила в повороты так резко, как только могла, Рейн все же сумела ничего не размазать и не выколоть себе глаз.

Убрав косметичку обратно в сумку, она откинулась на сиденье. У ног стояла большая сумка Dior с альбомом, который она не открывала с понедельника. Просто не могла себя заставить.

— Куда мы все-таки едем?

— Вы даже не знаете, где жил ваш дядя?

Насмешку в вопросе невозможно было не заметить.

— В деревне Граттон. Это я знаю. А адвокат тоже там?

— Контора стряпчего на окраине.

Стряпчий, очевидно, адвокат. Понятно. Рейн украдкой разглядывала Киру. Та была года на два старше нее. И явно не жаловала ни кремы, ни лосьоны, которые смягчают кожу и не дают так рано появляться морщинам между бровями.

«Так тебе и надо», — подумала Рейн. Если совсем не ухаживать за кожей, потом уже ничего не исправишь. Будь Кира хоть немного приветливее, Рейн, пожалуй, чисто по-дружески поделилась бы с ней парой советов.

Но она оставила свои мысли при себе. Они свернули с шоссе на узкую двухполосную дорогу, петлявшую между огромными зелеными пастбищами. Навигатора в машине не было, поэтому Рейн понятия не имела, сколько еще ехать.

На лугах тут и там виднелись грязновато-желтые комочки ваты. Овцы. Во время прошлого приезда они казались ей ужасно милыми, теперь же — ничуть. Из-за них приходилось то и дело тормозить, а она спешила. Рейн терпеть не могла опаздывать, да еще водитель подчеркнул, что ее заждались.

Когда целое стадо неторопливо вышло на дорогу, Кира спокойно остановила машину, словно ничего необычного не происходило. Неужели нельзя их объехать? В этот момент одна из овец справила свою естественную надобность прямо посреди дороги. До Рейн донесся весьма ощутимый запах. Нет, пахли они тоже совсем не мило.

— Почему пастбища не огорожены? — Она достала из сумочки бумажную салфетку и прикрыла нос. — А если кто-нибудь случайно собьет овцу? Это же чревато...

— Что? — переспросила Кира.

— Опасно. Ну, знаете... опасно. А это кто?

Следом за стадом дорогу пересекали черно-белая овчарка и пожилой человек в соломенной шляпе. Собака тявкала на последнюю овцу, подгоняя ее. Та недовольно дернула хвостом, но все-таки прибавила ходу. Умора!

Надо будет рассказать Лэндону...

Рейн улыбнулась, но улыбка тут же растаяла. Нет. Лучше выложить это в соцсетях «Кружева в тренде».

К черту Лэндона!

— У нас всем известно, что овцы имеют преимущество на дороге. Это Росс, пастух с фермы Мёрфи, — с опаской сказала Кира, заметив, что Рейн достала телефон и фотографирует.

— Что, правда? Вот уж не думала, что пастух — настоящая профессия.

— Представьте. — Кира слегка задрала нос и помахала Россу рукой.

Когда стадо окончательно освободило дорогу, она резко нажала на газ.

— Поосторожнее!

— Простите. — По ее ухмылке было ясно, что она насколько не сожалеет.

Рейн в ответ сфотографировала Киру кислую физиономию.

— Это еще зачем?

— Отправлю маме. Пусть посмотрит, какие приветливые соотечественницы у папы. Конор всегда говорил, что ирландцы славятся своим гостеприимством.

Кира крепче стиснула руль и больше не произнесла ни слова. Рейн попыталась выложить фотографию овец в соцсети «Кружева в тренде», но связи не оказалось.

Еще дважды остановившись, пропуская овец, они наконец въехали в жилую часть деревни. Тропинки, выложенные камнем, утопали в летних цветах. Дома — деревянные и каменные — были крыты соломой или темно-серым сланцем.

Казалось, они перенеслись в прошлое. Рейн невольно вспомнила киностудию, где снималась мама, и даже огляделась в поисках съемочной группы.

Но это была не декорация. Узкие мощеные улочки, где с трудом разъезжались две маленькие машины. Старинное кладбище при церкви с поросшими мхом надгробиями почти у самой дороги. Каменный фонтан, из которого струилась

мутноватая вода. Мох повсюду. И указатель: «Добро пожаловать в Граттон».

Для четверга здесь было удивительно тихо. Солнце так и не смогло пробиться сквозь плотные облака.

Рейн открыла на телефоне прогноз погоды. Бр-р-р! Шестнадцать градусов. Неудивительно, что ей холодно. Ночью обещали всего десять. Она невольно поежилась. Интересно, при какой температуре начинается снег? Летняя одежда, которой набит чемодан, совсем не по погоде.

Кира ловко втиснула «фиат» в свободное место на узкой улочке.

— Приехали.

За последние несколько минут это были первые слова, которые она произнесла. Аллилуйя. Рейн с детства учили быть вежливой при любых обстоятельствах, но про себя она решила, что позже обязательно пожалется в компанию, организовавшую трансфер.

— Спасибо, что довезли.

Кира поджала губы:

— Я тоже зайду.

— Не стоит. Просто покажите, куда идти... Ах да, чемодан. — Она очень надеялась больше никогда не встречаться.

Рейн выбралась из машины, чувствуя, как затекли ноги после долгого перелета. По правую сторону улицы тянулись одноэтажные каменные и кирпичные лавки, по левую расстилалось поле. Прошло почти двадцать лет с ее прошлого приезда, но деревню она совершенно не помнила.

Кира обошла машину сзади, кутаясь в свой бесформенный свитер.

— Можете на время встречи оставить чемодан в багажнике.

— Правда, вам совсем не обязательно меня ждать. — Рейн повесила на плечо сумочку и большую дорожную сумку. — Если только Лорен не попросила вас потом отвезти меня в замок?

— Ваша мама?

— Я называю ее Лорен. Но да.

— Пойдемте. Мистер Хьюз все объяснит.

Кира тряхнула белесыми кудряшками, прошла вперед и направилась к угловому зданию, у входа в которое по обе стороны деревянной двери стояли ящики с бархатцами, ромашками и плющом. На латунной табличке значилось: «Оуэн Хьюз, адвокат».

Кира открыла дверь. В приемной стояли тяжелые стулья темного дерева, большое зеленое растение и прямоугольный столик с аккуратными стопками журналов. Большие часы с кукушкой показывали четверть пятого.

— Здравствуйте, — приветливо сказала женщина за длинной стойкой. У нее были темные волосы, стрижка каре до подбородка. Рядом с монитором стояла кружка с крупной надписью «Дейзи»*, а на ее краю остался след ярко-малиновой помады.

— Спасибо, Дейзи, — сказала Кира.

— Вы Рейн? — Женщина поднялась и протянула руку. — Очень приятно познакомиться. Я Дейзи Хьюз, жена Оуэна. Отвечаю на звонки, веду бухгалтерию и завариваю чай, — со смехом добавила она. — Проходите, сейчас все будет готово.

— Спасибо.

Рейн торопливо пересекла темноватую приемную. Неужели здесь всегда так неприветливо или просто пора заменить лампочки? Она бы не смогла жить в таком полумраке. Ей нужен свет.

Кира открыла дверь в кабинет, и от неожиданно яркого света в помещении Рейн невольно заморгала.

— Мисс Макграт! — Мужчина как минимум вдвое старше своей супруги поднялся из-за стола и крепко пожал руку Рейн. — Добро пожаловать. Спасибо, что смогли так быстро приехать. — Он похлопал себя по животу, туго обтянутому

* Дейзи (англ. Daisy) — маргаритка.

слишком тесным пиджаком. — Я лишь однажды летал через океан, в Нью-Йорк. Чуть не умер.

Он указал на два свободных кресла с высокими спинками.

Кира тут же заняла одно из них, и Рейн уселась во второе. Она огляделась. Полки до самого потолка заставлены книгами. Несколько стульев выстроены вдоль стены.

— Остальные уже ушли? Простите, что заставила вас ждать. Я вылетела, как только смогла.

Рейн поставила сумки у ног. Из уважения к адвокату она заранее отключила звук телефона.

— Никаких неудобств, — ответил мистер Хьюз, усаживаясь за стол. — В этой части завещания участвуете только вы двое.

Рейн перевела взгляд на Киру, затем снова посмотрела на адвоката:

— Не понимаю.

Он слегка склонил голову:

— Все небольшие завещательные распоряжения уже исполнены.

Рейн напряглась. По спине побежали мурашки, в затылке закололо, желудок болезненно сжался. Она была уверена, что наследником окажется какой-нибудь дальний родственник, ведь кузен Подриг уже умер. Но при чем здесь Кира?

— Теперь я понимаю еще меньше.

— Головой подумайте, — бросила Кира. Она сидела на самом краешке кресла, напряженная как струна, крепко обхватив пальцами колени.

— Кира, — мягко одернул ее мистер Хьюз с добродушной улыбкой. — Наша бедная Рейн... Можно я буду называть вас просто Рейн, *mo leanbh?**

Она кивнула. Отец тоже иногда называл ее «дитя мое», и ей сразу стало немного спокойнее.

— Она ведь понятия не имеет, что происходит, — сочувственно сказал адвокат.

* Дитя мое (*ирл.*).

Кира шумно выдохнула, так что челка зашевелилась.

— Я, между прочим, тоже.

За эту неделю Рейн чувствовала себя полной дурой чаще, чем за всю предыдущую жизнь. Она снова кивнула.

— Может быть, вы все-таки объясните, что происходит? Иначе я просто вызову такси и вернусь в аэропорт. Сейчас мне совсем не до загадок.

Удивительно, что после всего пережитого за последние несколько дней ей вообще удалось произнести это таким спокойным тоном.

Кира фыркнула:

— Удачи. Думаете, в Граттоне сотня таксистов только и ждет, чтобы вас подвезти?

Мистер Хьюз поднял ладонь:

— Ну-ну, девочки...

Рейн стиснула зубы. Девочки?

— Простите! Леди... Юные леди. Жена все время напоминает мне, что мир меняется.

Рейн молча кивнула в третий раз — пожалуй, еще более натянуто, чем прежде.

— Рейн Клэр Макграт, познакомьтесь с Кирой Ли Смит. Она родная дочь вашего дяди.

Рейн недоуменно посмотрела на адвоката. Что это должно означать? По-видимому, выражение ее лица было весьма красноречивым, потому что мистер Хьюз неловко заерзал в кресле.

— Он хочет сказать, что я незаконнорожденная, — сухо пояснила Кира. — Мама не сообщила моему отцу обо мне, а мне — о нем. Я узнала правду, только когда она тяжело заболела. Тогда она ему позвонила. Познакомилась с ним только после ее смерти.

— Какой уж...

— Ужас? Потрясение? Еще бы! — вспыхнула Кира. — Я познакомилась с отцом всего девять лет назад. Его сын Подриг к тому времени уже умер, и отец позволил мне поселиться в замке. Будто оказал великое благодеяние.

И тут Рейн поняла, что жалела себя совершенно напрасно. Кире пришлось куда тяжелее. Она сочувствовала своей кузине. Кузине...

Но ведь тетя Амалия и дядя Невин любили друг друга. Откуда тогда взялась Кира?

— Я выросла в Лондоне, — продолжала Кира. — Никогда бы не подумала, что моя мать-ирландка способна скрывать такую тайну. Но вот так вышло. — Она пожала плечами с таким видом, словно вызывала Рейн на поединок.

Рейн не собиралась возражать. Ей хватало собственных проблем. Она повернулась к мистеру Хьюзу:

— Хорошо. Мы с Кирой познакомились. Мы кузины. — Лучше держаться от Кире подальше, раз уж она все принимает в штыки. Поприсутствует на похоронах, улетит домой. Мама ушам своим не поверит! — Что теперь?

— Для начала успокойтесь обе.

Адвокат неторопливо достал из среднего ящика стола толстую пачку бумаг.

В дверь постучали.

Вошла Дейзи, катя перед собой старомодный чайный столик — такие Рейн видела разве что в черно-белых фильмах. Из фарфорового чайника с позолоченной ручкой поднимался ароматный пар. На подносе стояли три чашки с блюдцами и небольшой молочник, лежали ломтики лимона, сахар и песочное печенье.

Дейзи разлила чай и положила каждому на блюдце по квадратiku печенья.

— Спасибо, — сказала Рейн. Она вдруг поняла, что ужасно хочет есть. Желудок предательски заурчал, и у нее вспыхнули щеки.

— Перекусите немного, — ласково сказала Дейзи. — Такой долгий путь из Лос-Анджелеса. Из Города звезд.

Внезапно Рейн захотелось только одного: оказаться в своей постели и проспять целые сутки. Теплый кабинет, доброжелательность Дейзи — и мучительное предчувствие, что вот-вот снова случится что-то непоправимое.

Она сделала глоток чая и надкусила печенье.

— Очень вкусно. Спасибо.

Дейзи тихонько вышла.

Кира с грохотом поставила кружку на стол.

— Я больше не могу ждать. Может, наконец, узнаем, что решил мой отец?

Мистер Хьюз неодобрительно цокнул языком, глотнул из чашки, словно собираясь с духом, надел очки для чтения, развернул бумаги и прокашлялся.

— Это последняя воля Невина Фостера Макграта, составленная в здравом уме и твердой памяти пятого мая...

— Пятого мая? То есть в прошлом месяце? — перебила Рейн.

— Именно. — Голос адвоката звучал неодобрительно.

— Простите.

Она поставила чашку на стол, сцепила руки на коленях и крепко сжала пальцы. Черный костюм сидел на ней безупречно. Dolce & Gabbana. Наверное, самая дорогая вещь в этой комнате. Ей хотелось домой.

— ...завещаю замок Макгратов моей племяннице, Рейн Клэр Макграт.

Рейн и Кира хором ахнули.

ГЛАВА 3

Выдержка, которой Рейн научили на уроках хороших манер, куда мать отправила ее еще в средней школе, не позволила ей вскочить и опрокинуть стул. А вот ее неуправляемая и вспыльчивая кузина сдерживаться не стала. Кузина!

Кира резко встала и с размаху ударила ладонями по столу мистера Хьюза, так что задребезжали фарфоровые чашки.

— Нет! Эта груда камней не может достаться ей. Она моя по праву рождения! Я — истинная наследница. По крови!

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

